

Касимова
Диана Габдулловна

ПИСЬМО
УЧИТЕЛЯ БЫВШЕМУ УЧЕНИКУ
О ТОМ, ЧЕГО НЕ БЫЛО, НО МОГЛО БЫ БЫТЬ,
ИЛИ ЖЕ О ТОМ, ЧТО МОГЛО БЫТЬ, НО НЕ БУДЕТ

эссе

Приветствую тебя, мой друг.

С интересом прочитала письмо о поездке в Испанию и Португалию. Я не думаю, что посещение Прадо и музея Тиссена – глупость и безумие. И если сейчас ты часами сидишь над репродукциями картин, которые видел в музеях Мадрида, и пытаешься понять, почему воспеваемые «испанцы» произвели на тебя сомнительное впечатление, – не это ли свидетельство того, что день не был убит? Живопись – здесь я на своей территории, так же как ты – в музыке. Об изобразительном искусстве могу говорить часами, сутками не выходя из галерей и чувствовать его естественность так же, как ты, например, чувствуешь мизинец правой руки. Это ощущение было всегда, как себя помню, а может, и раньше. Думаю, оно идёт по папиной линии.

Папин дед и, кажется, прадед делали мебель на заказ, работали частной артелью: выбор изящной формы, цвета ткани, резьба – это ремесло на грани искусства. Одно из прадедовых изделий стоит у меня в комнате – рабочее кресло – колченогое, с резными подлокотниками и подголовником. Спущенное с чердака, оно исправно служит уже 28 лет. Требуется лишь временами его лакировать и менять обивку. Вещи, между прочим, более ста двадцати лет и ещё немало прослужит.

Папин отец – мой дед не имел никакого отношения к изящному искусству, если только быть бабником не относится к числу таковых. Грубый, своевольный, самолюбивый. Начальник, но пил и гулял, за что потерял своё кресло. Во время запоев был буен, криклив, невыносим. Эгоцентричен – требовал послушания и всемерного к себе внимания, любил застолья, хорошо играл на гармошке, был какое-то время первым гармонистом на деревне. Привыкший к женскому вниманию (что не мудрено после войны), любил женщин, но более всего – себя. После войны жил на две семьи: с бабушкой не развёлся, но ушёл на 10 лет к другой женщине, родил там четверых детей, а в конце 1950-х вернулся к законной супруге, к выросшим и возмужавшим к тому времени сыновьям. Именно в это время был построен новый дом, в котором мы сейчас и живём. С

возрастом дед перестал пить и потому не выносил, когда кто-то из его детей позволял принять лишнее: его моральным нравоучениям, упрёкам и брюзжанию не было конца. Он никогда не был худым, всегда – крепким и здоровым мужиком, но к старости диеты не изменил – каждый день жрал (другого слова не подберу) трёхлитровую кастрюлю чистого мяса и столько же картошки, отчего стал просто жирным. Для меня загадка, какие отношения были между бабушкой и дедом, между ним и его двумя сыновьями от законной супруги. На эту тему у нас не принято говорить. Но чувства свои я помню хорошо. Атмосфера аккуратного, чистого, добротного, но неуютного дома. Он – барин, хозяин; она – робкая, послушная, смиренная служанка, уже давно научившаяся подавлять свои эмоции. Для него – самые мягкие пуховые перины и подушки, самые тёплые одеяла, новая одежда, широкая кровать у печки; для себя – войлочная подстилочка на узкой деревянной лавке у входной двери, куцее самодельное одеяло. Между ними не было бесед, долгих разговоров и обсуждений, лишь приказ и – краткий отчёт. Только изредка аллегоричная усмешка над супругом, сказанная своему сыну полушёпотом беззубым ртом. Пожалуй, лишь два сына – её единственная радость и опора: один, младшенький, – всегда рядом, другой – улетевший очень далеко, но, тем не менее, в мыслях всегда близко. Чувство родства и любви между бабушкой и папой я чувствовала, но вот к деду, мне казалось, он относился как к отцу, который должен быть и которого не выбирают. Рассказ мой ушёл далеко в сторону. Возвращаясь к теме, скажу: если сравнить деда и бабушку и спросить, кто из них научил меня большому, то окажется, что дед. Именно он научил меня – первоклассницу писать арабские цифры, пытался научить арабским буквам (по молодости лет, правда, закончить сие мероприятие не удалось) и, главное, он научил меня рисовать лошадей. Сам он рисовал их бесподобно – в разных позах и настроении, всего в шесть-восемь штрихов. Закрепляя навык, с полгода я тоже рисовала лошадей, удивляя одноклассников и нашу любимую учительницу рисования. Смешно сказать, даже выиграла в городском конкурсе рисунков.

Но, увы, без постоянных упражнений я всё забыла. Пыталась вспомнить в 1994, получилась уродливая и кривая толстая кобыла. Без учителя – бесполезно.

Папин единственный родной брат – обычный деревенский мальчишка, троечник, был абсолютно лишён прилежания, так необходимого в школе. После службы во флоте, в начале 1960-х годов он учился в Строгановке (по сегодняшним временам – Московский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова). Его студенческими работами оформлен весь наш деревенский дом – живопись, инкрустация костью по дереву, роспись фарфора, в столовой – картина маслом «Бойцы на привале» (по «Василию Тёркину» Твардовского) безумных для крестьянского дома размеров – 2 на 1,5 метра. Была ещё «Боярыня Морозова» такого же размера, но куда-то делась, с годами и не упомнишь. А ещё было много рисунков, эскизов карандашом, углем... Лежали они в нижнем ящике комода, придавленные чем-то льняным и дурно пахнущим дерматином. В этом доме – для меня эмоционально-неуютном, в котором не было больше детей, кроме меня, и не с кем поиграть, было одно развлечение – доставать из комода «живые» рисунки и часами их разглядывать, фантазировать. Рисованы были всё больше животные, а также детали человеческого тела. До сих пор помню – люди выписаны слабо, по-ученически, а вот животные и птицы! Взглядом водила по линиям, пытаюсь понять как из ничего получается настоящий волк, рысь, заяц, лошадь, много-много разных птиц. На одном листе могло быть несколько зарисовок одного и того же образа, а характеры у них, вот чудо, – разные. Это было любопытное развлечение – сравнивать и понимать различия. Правда, и эти листы, с годами где-то затерялись.

Дядя Коля (так мы его называем) живёт под Москвой – в Хотьково и всю жизнь проработал на Хотьковской фабрике резных и художественных изделий, выполненных в технике хотьково-кудринской (абрамцево-кудринской) резьбы. Последние два десятилетия перед выходом на пенсию он был главным художником, зам. директора этой фабрики, т.е. по

художественной части он был первым. Фабрика не рядовая. Есть брендовые вещи: кубачинское серебро, армянский коньяк, павловопосадский платок, оренбургская шаль, каслинское литьё, софринское золотое шитье и среди прочих российских брендов – хотьковские резные изделия: шахматы из самшита, фигурки из непомерно дорогих видов костей, очень сложные инкрустации – они всегда были излюбленными подарками для иностранных гостей и гостинцами иностранных туристов. На фабрике всегда делали вещи и класса люкс, и предметы более доступные, но всё равно достаточно дорогие, не обиходные – ручная работа такого уровня никогда не стоила дёшево. Дядя Коля привёз нам немало интересных и дорогих вещей, которые, по ряду причин (чаще всего, трещин) были выбракованы ОТК: похожая на нэцке якутянка из клыка моржа; тройка лошадей, заправляемых медведем, из бивня носорога (или слона?); шкатулка из самшита, обшитая изнутри натуральным шёлком, и много-много чашек, плошек, ваз, шкатулочек из более дешёвых пород дерева, но с изысканной и безупречно выполненной кудринской резьбой, характер которой я узнаю из тысяч, – всё это хранится у нас дома и окружает меня с детства.

Папин двоюродный брат – дядя Миша (нынче ему исполняется 80 л.) жалеет только об одном – ему не удалось учиться: нужда заставляла работать, помогать деньгами родителям и младшим, платить за образование не было никакой возможности. Нигде специально не учился. Но он хорошо пишет маслом, особенно пейзажи – так, для себя, вроде как хобби.

Папа – это чудо. Внешний мир на цвет и форму начала познавать лишь благодаря ему. Кроватки, в которых я спала, сделал папа. Сложное панно-аппликация из дерева на прикроватной стене (первый предмет, который я помню в цвете и форме) – тоже дело папиных рук. А ещё самодельные, расписанные цветами и узорами столик и стульчик; парта, за которой я делала уроки до 12 лет. Да что там – до 7 лет, пока не пошла в школу, я носила лишь те платья, которые мне шил папа по выкройкам журнала мод, специально выписывая их из Ленинграда, тщательно подбирая ткани по цвету и фактуре.

Интерьер комнаты в общежитии, в котором мы жили двенадцать лет, накидки на кресла, которые апплицировали с ним вместе, – интересная художественная работа. В общем, всё это было до предела гармонично, со вкусом и стилистически грамотно при отсутствии запредельных богатств. И сейчас: длинная сложная композиция моего рабочего места, книжные шкафы, очень удобные анатомические кресла, кухонный гарнитур в городской квартире и фактически вся мебель в деревне – всё это папина работа. Только цветовой вкус всё чаще изменяет ему – пожилым людям свойственна прижимистость, а краски и, особенно, ткани сейчас очень дороги. Я не спорю... Сожалею только о том, что, поставив на тропу школьного образования, родители отправили меня дальше одну. Девочкой я была активной, прилежной, неглупой, дисциплинарных хлопот не доставляла. Для них это было главным и достаточным условием моей жизни. Кружкú я выбирала сама, общественная работа отнимала уйму внеурочного времени. Немало времени было убито впустую, и это тогда, когда и сутки были длиннее, и сил было больше, и памяти, и безудержной энергии. Я любила рисовать, в руке карандаш был всегда. И если пальцами правой руки я не закручивала локон волос, то обязательно что-то выводила на бумаге – почти всегда это был очень сложный узор. Теперь я знаю, что это стилизованная арабеска. Рисунок рождался сам по себе, без всяких умственных усилий. Говорят: «рукой господь водит», наверно так. Но чтобы развиваться, в этом возрасте самообразование не эффективно (если оно вообще возможно), нужен учитель и методики. Вот здесь-то и нужна была инициатива и поддержка родителей – оплачивать учёбу в художественной школе. Не случилось... Время упущено. Смотрю на себя и что вижу? Все навыки, что были когда-то, деградировали. Притупляется острота ощущения, она очень важна в живописи. Ты, словно кожа на стопе много ходившего пожилого человека: сухая, грубая, с трещинами на пятках, что причиняют нестерпимую боль, и грибами, разъедающими живую ткань.

Технике не научилась, но интерес-то к изобразительному искусству не угас. Теперь всё было в моих руках. В студенческие годы и в годы аспирантуры оторвалась по полной. Ещё дома скупала всевозможные (дорогущие!, но не такие дорогие, как сегодня) альбомы по живописи, диапозитивы выписывала по почте из Москвы (чего только нет в моей коллекции), несколько лет выписывала журнал «Юный художник». В моей библиотеке есть даже изданный в Мадриде альбом о творчестве Веласкеса на испанском языке (перевести только некому). Жизнь в Москве началась с Подмосковья: год я жила у дяди Коли в Хотькове. Сам по себе ремесленный центр, город находится в пяти минутах езды от Абрамцево (в прошлом – усадьбы Саввы Мамонтова, приюта Абрамцевского кружка; в советские годы – дачного посёлка Союза художников и самого Грабаря). В пятнадцати минутах езды стоит Сергиев Посад: лавра, всюду православные храмовые комплексы разных стилей всех времён – от 16 до 19 века, музей сергиево-посадской куклы, «музей» русского быта 18-19 вв. под открытым небом. И, конечно, богатейшая домашняя библиотека по изобразительному искусству самого дяди Коли. Можно представить, в какой атмосфере я жила. А потом Третьяковка, неоднократные походы на выставки в Галерею на Крымском валу. И этого было мало. Покупала по символической цене абонемент и ходила на двухмесячные тематические лектории в Третьяковку: презентации картин на большом экране с анализом творчества художников проводили специалисты, и уж точно не случайные люди. Но апофеоз, бесспорно, – Питер. Лето 1995 или 1996 года. Как раз Ельцина выбирали, а Собчак, обеспокоенный низкой активностью избирателей, в обед выступил с призывом придти к избирательным урнам. Из четырёх недель командировочного пребывания в Петербурге неделя была «прожита» в Эрмитаже. Постепенно, зал за залом, с подвала – египетских древностей до мансард четвёртого этажа с импрессионистами были пройдены эпохи, страны, школы, стили.

Это правда: живопись, также как музыку и театральные постановки, нужно видеть вживую. Только так можно почувствовать энергию вещи и привязать своё сердце к кисти мастера. В моём случае, вместе со знанием формировался, точнее, оттачивался вкус. Он позволил сделать осознанный выбор того художественного направления, с которым я чувствую в унисон. Мне нравятся многие и многое. Но устоять не могу перед импрессионистами, захватывают абсолютно. Лавровый венок отдаю Константину Коровину. Его живопись французского периода – вот мой портрет (или то, что я хотела бы найти в себе). Из классиков первый – Рембрандт. Не только среди фламандцев, он первый в Европе, в мире сделал технику крупного мазка непременным свойством искусства живописи.

Нет никакого преувеличения в том, что наш личный жизненный путь, наши кровь и предки, наш опыт и мысли оформляют наши эмоции, подсказывают путь к пристани, рисуют мир таким, каким мы хотим его видеть, но каковым он не является. Человек – существо не только разумное, но и понимающее, а понимание – это проблема видения. В картине я увижу, почувствую и пойму только то, что есть во мне. Можно прочесть сколько угодно достойных книг о творчестве того или иного художника, но если в тебе нет эквивалента, а он вырабатывается годами образования и воспитания, то вы не поймёте друг друга. Вывод: ответить на вопрос, почему так обжёг Эль Греко и оставил равнодушным Гойя и Веласкес, почему из головы не выходят Босх, Брейгель и поразил Ван дер Вейден, ты сможешь только сам.

На этом прощаюсь. Желаю удачи и новых впечатлений. Нет ничего более удивительного, чем жизнь. Кроме слова. Утешительного слова. Надеюсь, всё будет хорошо.

С уважением,
Д.Г.